

9. Krinichnaja N.A. Krysha i cherdak: byt i obrazy // Rus. rech'. 2015. № 4. S. 69–75.

10. Losev A.F. Problema simvola i realističeskoe iskusstvo. 2-e izd. ispr. M., 1976.

11. Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina. M.–L., 1965–2016.

12. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. 4-e izd. M., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (data obrashhenija: 27.03.2018).

13. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. M., 1975–. Vyp. 1–30.

14. Syshnikov A.D. Leksika krest'janskogo devjannogo stroitel'stva. Materialy k slovarju. SPb., 2006.

15. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka konca XX v. Jazykovye izmenenija / pod red. G.N. Skljarevskoj. SPb., 2000.

16. Fizičeskij jenciklopedičeskij slovar' / gl. red. A.M. Prohorov. M., 1995.

17. Halikova N.V. Obraznaja struktura doma v tvorčestve E.I. Zamjatina // Duhovno-nravstvennyj i jestetičeskij potencial russkoj literaturnoj klassiki: sb. nauch. tr. M., 2013. S. 236–241.

18. Halikova N.V. Jekspressivnost' obraza doma, komnaty v proze I.S. Turgeneva // Racional'noe i jemocional'noe v jazyke i reči: slovo – konstrukcija – tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. M., 2012. S. 93–98.

19. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: v 2 t. M., 1993.

Language implementation of the symbol “home” in dialectal names of human body parts and details of the Russian hut

The article presents the analysis of the linguistic implementation of the symbol “home” in the meaning “home as a human body” – dialecticisms combining the meanings “the detail of the hut” and “the part of the human body”. The symbol is presented as 1) a semantic-semiotic productive model that generates language variants, 2) a secondary reflex that arose from the experience left by the primary, unconditional human reflexes (V.M. Bekhterev) that determine the semantics of words and their choice.

Key words: home, symbol, meaning, defined, reflex, semantic coherence.

(Статья поступила в редакцию 18.05.2018)

Н.А. ФАТЕЕВА
(Тюмень)

МИЛИТАРИОНИМНОЕ ПОЛЕ СТАЛИНГРАДА

Методом полевого структурирования проанализированы ономастические единицы, связанные с военными событиями под Сталинградом 1942–1943 гг. Описаны характеристики данной полевой структуры, выявлены системные отношения между конституентами, рассмотрены особенности семантики центральных конституентов. Для именования рассматриваемых единиц предлагается термин «милитарионим», обосновывается целесообразность включения его в научный оборот.

Ключевые слова: милитарионим, фразоним, ономастическое пространство, ономастическое поле, милитарионимное поле, семантика имени собственного, межсрэдная ономастическая общность.

2 февраля 2018 г. наша страна отметила величайшую дату – 75-летие победы советских войск над немецко-фашистскими захватчиками под Сталинградом 1943 г. С тех пор «слово “Сталинград” вошло в словарный фонд всех языков мира и <...> напоминает о битве, которая по размаху, напряжению и последствиям превзошла все вооруженные столкновения прошлых времен» [2, с. 207].

События под Сталинградом 1942–1943 гг. породили огромное количество собственных имен, являющихся в языкознании объектом изучения ономастической науки. А.К. Матвеев отмечал «удивительное свойство ономастических систем – хранить историческую память, содержать языковую информацию о прошлом, которая может быть интерпретирована с точки зрения лингвистики, истории и географии» [7, с. 12]. Следовательно, «сталинградские онимы» времен великой битвы могут дать ономастической науке бесценную лингвистическую информацию.

В первую очередь обращают на себя внимание названия военных событий: *Сталинградская битва 1942–43, операция «Кольцо», Среднедонская операция 1942 («Малый Сатурн»), операция «Уран»* и проч. Ономастические единицы, называющие военные события (войны, сражения, битвы и т. п.), в русской ономастике принято относить к хрононимам, именам собственным «определенного

отрезка времени, важного для человеческого общества тем, что в них локализовано какое-либо событие или события, характеризующиеся определенными тенденциями, именно эти события обычно и служат названием для данного отрезка времени; праздники и памятные даты относятся сюда же. Пр.: *Русско-японская война, Ялтинская конференция, Петровская эпоха, Средние века, День Победы, Новый год, Рождество* [8, с. 162].

Как видно из определения, к хрононимам относятся имена собственные, называющие разноплановые исторические события и характеризующиеся, очевидно, разными тенденциями (ср.: *Русско-японская война* и *Новый год, День Победы* и *Петровская эпоха*). На наш взгляд, такие события, относясь к одной категории онимов, должны рассматриваться отдельно. Так, названия военных событий могут быть выделены в отдельный класс и обозначаться термином «милитарионимы» (от лат. *militaris* – ‘военный’ и греч. *ὄνομα* – ‘имя’) [14].

К военному делу, войне могут иметь отношение не только события, но и личности, географические объекты, организации, периодические издания, документы, произведения искусства, награды, мемориалы, музеи, безусловно, оружие и др. Следовательно, к милитарионимам можно отнести:

– антропонимы (*российский военачальник генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусиллов, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский, маршал инженерных войск Алексей Иванович Прошляков, генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев*);

– топонимы (в широком смысле) (*город-герой Москва, Сапун-гора, Мамаев курган, Демянский плацдарм, Курский выступ, Можайская линия обороны, «Дорога жизни», ул. 2-й Гвардейской Армии, музей-панорама «Сталинградская битва», монумент «Защитникам Москвы», Могила Неизвестного солдата, Парк Победы*);

– эргонимы (*Красная армия, Панфиловская дивизия, Белорусский фронт*, Донской танковый корпус, 10-я Гвардейская Армия, Таманский авиационный полк*);

– фалеронимы (*орден Красной Звезды, орден «Победа», медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги»*);

*Фронт – оперативно-стратегическое объединение (Советских) Вооруженных Сил [3, с. 769; 4, с. 954].

– документонимы (*Приказ № 227 Народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!»*));

– прагмонимы (*танк «Т-34», автомат «АК-47», миномет «БМ-13» («Катюша»), самолет-истребитель «МиГ-3»*);

– геортонимы (*День воинской славы, День снятия блокады Ленинграда, День Победы, Военный парад 7 ноября 1941 г. в Москве*);

– гемеронимы (*газеты «Красная звезда», «Военное обучение», «Фронтовая правда»; журналы «Военная мысль», «Военный вестник», «Военно-инженерный журнал»*);

– артионимы (*картина А.А. Дейнеки «Оборона Севастополя», кинофильм С.Ф. Бондарчука «Они сражались за Родину»*) и др.

Таким образом, онимы, имеющие отношение к войне, военному делу, обозначают довольно значимые группы объектов и относятся к одной из самых актуальных сфер деятельности. Они занимают свое место в ядерной зоне и на периферии ономастического пространства. В каждом из указанных разрядов (видов) онимов они образуют отдельную подсистему, поэтому, думается, что такие единицы (*милитарионимы*) должны быть объединены в *межразрядную ономастическую общность* [15].

В ономастической науке нет ни одного специального комплексного исследования, посвященного детальному изучению ономастических единиц, относящихся к военной сфере деятельности. В современном языкознании широкое распространение получил полевой метод изучения единиц языка. Поля рассматриваются как системные образования, которые обладают не только собственной спецификой, но и связями и отношениями, свойственными любой системе [9, с. 4]. В.И. Супрун подчеркивает, что «любой неслучайный набор языковых единиц и явлений, их структурированная совокупность может быть представлена как поле» [12, с. 11].

В данной работе предпринята попытка представить милитарионимное поле Сталинграда. В этой связи необходимо разграничить понятия ономастического пространства и ономастического поля.

Ономастическое *пространство* – совокупность имен собственных как таковая, безотносительно к ее внутреннему устройству, *поле* же предполагает наличие системно-структурных отношений и связей, представляет собой упорядоченную, иерархизированную совокупность его конститuentов [Там же, с. 12].

Таким образом, можно говорить о милитарионимном пространстве Сталинграда, ко-

торое включает в себя все имена собственные, связанные с военными событиями периода с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Выявив системно-структурные отношения и связи между конституентами, установив их иерархию, милитариионимное пространство можно представить как полевую структуру – «лексико-семантическую группировку (парадигму), структуру конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» [13, с. 138].

В основе полевой структуры лежат *ядерно-периферийные отношения*. В ядре сконцентрированы признаки системы. Ядерные конституенты «наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конституентами и обязательны для поля» [9, с. 6]. Исходя из этого общего положения, к ядерным в милитариионимном поле следует отнести онимы, называющие военные события и действия, т. е. милитариионимы-хрононимы. Именно они по преимуществу являются собственно милитариионимами. Это своего рода отправная точка для появления и функционирования милитариионимов других разрядов (видов). Они «наиболее специализированы для выполнения функций поля» и «обязательны для поля».

В исследованиях, посвященных концепции поля, обычно используются понятия «центр» и «периферия», причем термины *ядро* и *центр* чаще всего рассматриваются как взаимозаменяемые. Л.Д. Андреева в работе «Концепция языкового поля в свете доминантного анализа» разводит эти понятия: при мета-языковом описании понятия «центр» и «ядро» состоят в отношении объемлющего и объемлемого. Центральная часть поля представляет собой сложную организацию и состоит из ядра и околоядерного пространства (цит. по: [1, с. 96]).

В милитариионимном поле Сталинграда околоядерное пространство занимают собственные имена деловых объединений людей – названия фронтов (*Сталинградский фронт, Донской фронт*), армий (*Красная армия, 21-я армия Донского фронта, 4-я танковая армия*), воинских подразделений различного типа (*Московская Пролетарская стрелковая дивизия, 57-й танковый корпус*), других военных организаций (*Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб*) – милитариионимы-эргонимы и милитариионимы-ан-

тропонимы: имена полководцев (*командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И. Ерёменко, командующий 62-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков*), руководителей и членов военных организаций (*начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский, член военного совета Сталинградского фронта Н.С. Хрущёв*), героев и известных участников Сталинградской битвы (*Герой Советского Союза М.А. Паникаха, Герой Советского Союза В.Г. Зайцев, медсестра Гуля Королёва*).

Таким образом, центральную часть поля составляют милитариионимы-хрононимы, милитариионимы-эргонимы и милитариионимы-антропонимы, где хрононимы – ядро, а эргонимы и антропонимы – околоядерное пространство. Периферия имеет зональную структуру, в которой обычно выделяется ближнюю, дальнюю и крайнюю зоны [12, с. 17]. На периферии признаки системы ослаблены. На ближней периферии милитариионимного поля Сталинграда находятся топонимы, на дальней периферии – документонимы, на крайней – прагмонимы, фалеронимы, гемеронимы, артионимы.

Моделирование поля осуществлялось нами на основе семантико-логического критерия. Семантика имени собственного, наличие у него значения до сих пор является в ономастике нерешенным вопросом. Одни исследователи (А.А. Реформацкий, А.А. Уфимцева, Н.И. Толстой и др.) считают, что онимы не обладают значением, другие (В.И. Болотов, С.И. Зинин, А.В. Суперанская) доказывают, что имена собственные обладают более широким значением по сравнению с аппеллятивами, третьи (Л.В. Щерба, Л.М. Щетинин, В.А. Никонов, О.И. Фоякова и др.) придерживаются компромиссной точки зрения, примиряя первую и вторую позиции. Такое расхождение во мнениях связано с тем, что одни исследователи рассматривают имя собственное на уровне языка, другие – на уровне речи, третьи же считают онимы, как и все другие слова, одновременно единицами языка и единицами речи.

Мы придерживаемся мнения, высказанного В.И. Супруном, что «в языке нет и не может быть лексических единиц, не имеющих значения» [Там же, с. 18]. Ученый утверждает: «Любое имя существует в языке как единица ряда, в котором каждый конституент объединяется с другими и противопоставлен им, уже на языковом уровне имея ассоциативные семы “известное / неизвестное”, “старое / новое”, “русское / нерусское” и пр.» [Там же, с. 19].

Таким образом, можно говорить о *семантической общности* конститuentов и единиц, входящих в милитариионимное поле, что является, по утверждению В.И. Супруна, одной из основных, наряду с ядерно-периферийными отношениями, характеристикой ономастического поля.

Ономастические единицы, образующие милитариионимное поле Сталинграда, обладают сложной семантической структурой. В большинстве своем эти единицы являются фразовыми онимами, или фразонимами. Фразоним – воспроизводимый, неоднословный, раздельно оформленный оним, компоненты которого имеют смысловые и синтаксические связи и служат для расчлененного обозначения единого ономастического понятия [11, с. 96–97]. Каждый компонент, входящий во фразоним, привносит свою сему (семы) и формирует целостное значение онима.

Так, ядерные милитариионимы *Сталинградская битва*, *Котельниковская операция*, *Среднедонская операция* представляют собой адъективно-субстантивные словосочетания, и каждое из них составляет единое ономастическое понятие, значение которого складывается из суммы значений компонентов. Условные наименования («Уран», «Сатурн», «Малый Сатурн», «Большой Сатурн», «Кольцо»), входящие в ядро поля, приобретают свое милитариионимное значение благодаря «сопутствующему» категориальному существительному или адъективно-субстантивному словосочетанию, обозначающему родовое понятие: *Важнейшими предпосылками разгрома немецких войск в операциях «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» явилась умелая организация оперативно-тактической внезапности, правильный выбор направления главных ударов, точное определение слабых мест в обороне врага [6]; В первых числах октября в работу включились командующие войсками и штабы фронтов; им было приказано подготовить предложения по использованию сил каждого фронта для совместной наступательной операции «Уран» [2].* Логический подход к конструированию милитариионимного поля Сталинграда позволил отнести к околядерному пространству антропонимы и эргонимы: военные события и действия предполагают участие в них людей, объединенных в деловые организации.

Конститuentы околядерного пространства в подавляющем большинстве обладают еще более сложной семантической структурой, чем ядерные. Милитариионимные еди-

ницы околядерного пространства представляют собой поликомпонентные аппелятивно-онимические (*заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Георгий Константинович Жуков, командующий войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенант Василий Николаевич Гордов, 4-я танковая армия Сталинградского фронта*) или онимические (*Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования, Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский*) комплексы.

Функционируют антропонимы и эргонимы в непосредственной связи. Этот факт послужил основанием отнести конститuentы к одному субполю: *В состав Сталинградского фронта (бывший Юго-Восточный), которым командовал генерал А.И. Ерёмко, вошли 62-я армия генерала В.И. Чуйкова, <...> 64-я армия генерала М.С. Шумилова, 57-я армия генерала Ф.И. Толбухина и 51-я армия генерала Н.И. Труфанова, оборонявшаяся на широком фронте к югу от озера Барманцак [10]; Для разгрома противника, прорвавшегося к Волге, 2-й и 23-й танковые корпуса под командованием начальника автобронетанковых войск Сталинградского фронта генерал-лейтенанта А.Д. Штевнёва утром 24 августа должны были нанести удар от Рынка, Орловки на Ерзовку, то есть по немецкому коридору с юга [2].*

Еще одной важной характеристикой ономастического поля является словообразовательная активность всех его единиц и отдельно каждого конститuentа [12]. Исследование показало, что единицы и конститuentы милитариионимного поля Сталинграда таким признаком не обладают на всех уровнях либо обладают в крайне слабой степени. Так, в пределах околядерной зоны отмечены случаи аббревиации и сокращения: *Государственный комитет обороны – ГКО; Генеральный штаб – Генштаб.* Но замечено, что милитариионим ядерной зоны *Сталинградская битва* обладает способностью образовывать синонимические ряды: *Сталинградская битва = Сталинградская операция = Сталинградское сражение = Сталинградская эпопея: Сталинградская битва явилась огромнейшей школой воинского мастерства наших войск [6]; Вопрос об укреплении авторитета начальствующего состава в армии являлся постоянной заботой партии. Особенно часто возвращался к этой мысли И.В. Сталин в период подготовки Сталинградской операции [2]; Мировая печать в эти дни уже внимательно при-*

слушивалась к звукам *Сталинградского сражения*, в прессе начали появляться сообщения, что немцы остановлены под Сталинградом [5]; Этим заключительным актом *Сталинградской эпопеи*, ее победным финалом явилась наступательная операция Донского фронта в междуречье Волги и Дона [2].

Кроме того, адъективный компонент милитариима обладает высокой валентностью, или фразообразующей активностью, – способен образовывать единицы не только ядерного субполя, но и периферийных субполей, в частности топонимного: *Именно Сталинградская победа предопределила начало распада фашистского блока, увеличила размах освободительного движения в странах, подпавших под ярмо нацистской оккупации <...>* [Там же]; *Противник, прорвавшийся здесь к Волге, занимал укрепления так называемого Сталинградского обвода, построенного в свое время еще нашими войсками [10]; Это повлекло бы за собой высвобождение семи армий, задействованных под Сталинградом, и освобождение крупного железнодорожного Сталинградского узла <...>* [Там же].

В плане стилистической окрашенности как характерной черты ономастического поля, выделенной В.И. Супруном, мы отмечаем принадлежность единиц и конститuentов милитариимного поля Сталинграда к публицистическому стилю. Хотя это мнение может быть недостаточно объективным, поскольку исследование проводилось исключительно на публицистическом материале (мемуары Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, А.И. Ерёменко, газеты «На страже Родины», «Красная Звезда» за 1942–1943 гг.).

Таким образом, милитариимное поле Сталинграда обладает всеми характеристиками ономастического поля (наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность). Эти признаки едины для всех единиц и отдельно для каждого конститuenta. Они действуют в совокупности, дополняя друг друга; некоторые из них могут актуализироваться или нейтрализоваться [12, с. 16].

В.И. Супрун утверждает: «Каждый из ономастических разрядов обладает своей полевой структурой, для которой характерен пирамидальный характер: единичность конститuentов ядра и значительное по количеству число периферийных единиц, лежащих в основании. Ономастическое поле в целом и

разрядные субполя в частности имеют открытую структуру с перемещением единиц между различными зонами и внутри них» [12, с. 152]. Это утверждение в полной мере относится и к милитариимному полю Сталинграда. Каждое субполе, входящее в него, требует отдельного внимания и детального изучения.

Ранее мы отмечали, что милитариимная система – открытая система. В новейшей истории войны и локальные вооруженные конфликты продолжают, число милитариимов неизменно растет. Для исследования необходимо выбирать закрытый событийный ряд, ограниченный определенным периодом [14]. Наблюдения показывают, что даже при рассмотрении закрытого событийного ряда данная полевая структура подвижна. Так, при синхронном рассмотрении поля одни единицы (*Сталинград, Мамаев курган, Лысая гора, Дом Павлова*) приобретут дополнительные коннотации, другие – вовсе утратят свое милитариимное значение (*Барманцак, Цаца, Гумрак*).

При детальном изучении милитариимная полевая структура видится нам информативной не только в лингвистическом и в экстралингвистическом плане, но и в лингвокультурологическом, поскольку все единицы поля можно рассматривать как ономастические реалии – онимы, передающие фоновую информацию, т. е. информацию национально-культурного характера.

Список литературы

1. Буйленко И.В. Современные представления о полевых структурах в языке [Электронный ресурс] // Грани познания. 2013. № 1(21). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528601.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. 3-е изд. М.: Политиздат, 1978.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. / гл. ред. М.М. Козлов; редкол.: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов (отв. секретарь) и др. М.: Сов энцикл., 1985.
4. Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007.
5. Ерёменко А.И. Сталинград: Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961.
6. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1.
7. Матвеев А.К. Апология имени // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 7–13.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.

9. Полевые структуры в системе языка / науч. ред. З.Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
10. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. 5-е изд. М.: Воениздат, 1988.
11. Соколова А.А., Фатеева Н.А. Русские милитариины как особый класс в системе фразеологической ономастики // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира: сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.Б. Усачёва. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 96–102.
12. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: моногр. Волгоград: Перемена, 2000.
13. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / ред. Ю.С. Степанов; АН СССР. М.: Наука, 1988.
14. Фатеева Н.А. Место милитариинов в системе современной ономастики // Ономастика Поволжья: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова: в 2 т. (г. Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. Т. 2. С. 252–260.
15. Фатеева Н.А. Об ономастическом термине и его границах (на примере милитариинов) // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: сб. материалов XI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, проф. Розы Юсуфовны Намитокковой (г. Майкоп, 20–23 дек. 2017 г.). Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 506–512.
8. Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. M.: Nauka, 1978.
9. Polevye struktury v sisteme jazyka / nauch. red. Z.D. Popova. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1989.
10. Rokossovskij K.K. Soldatskij dolg. 5-e izd. M.: Voenizdat, 1988.
11. Sokolova A.A., Fateeva N.A. Russkie militarionimy kak osobyj klass v sisteme frazeologicheskoj onomastiki // Frazeologicheskie edinicy kak jelement jazykovoj kartiny mira: sb. materialov Vseros. nauch. konf. / отв. ред. N.B. Usachjova. Kurgan: Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2015. S. 96–102.
12. Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial: monogr. Volgograd: Peremena, 2000.
13. Ufimceva A.A. Leksicheskoe znachenie: princip semiologicheskogo opisanija leksiki / red. Ju.S. Stepanov; AN SSSR. M.: Nauka, 1988.
14. Fateeva N.A. Mesto militarionimov v sisteme sovremennoj onomastiki // Onomastika Povolzh'ja: materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 50-letnemu jubileju pervoj Povolzhskoj onomasticheskoj konferencii i pamjati ee organizatora V.A. Nikonova: v 2 t. (g. Ul'janovsk, 20–23 sentjabrja 2017 g.) / pod red. S.V. Rjabushkinoj, V.I. Supruna, E.V. Zaharovoju, E.F. Galushko. Ul'janovsk: FGBOU VO «UlG-PU im. I.N. Ul'janova», 2017. T. 2. S. 252–260.
15. Fateeva N.A. Ob onomasticheskom termine i ego granicah (na primere militarionimov) // Russkij jazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Juga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy: sb. materialov XI Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. pamjati Zasluzhennogo dejatelja nauki Adygei i Kubani, prof. Rozy Jusufovny Namitokovoj (g. Majkop, 20–23 dek. 2017 g.). Majkop: Izd-vo «Magarin O.G.», 2017. S. 506–512.

* * *

1. Bujlenko I.V. Sovremennye predstavlenija o polevyh strukturah v jazyke [Elektronnyj resurs] // Grani poznanija. 2013. № 1(21). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528601.pdf> (data obrashhenija: 24.04.2018).
2. Vasilevskij A.M. Delo vsej zhizni. 3-e izd. M.: Politizdat, 1978.
3. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945: jencikl. / gl. red. M.M. Kozlov; redkol.: Ju.Ja. Barabash, P.A. Zhilin (zam. gl. red.), V.I. Kanatov (otv. sekretar') i dr. M.: Sov jencikl., 1985.
4. Voennyj jenciklopedicheskij slovar'. M.: Jeksmo, 2007.
5. Erjomenko A.I. Stalingrad: Zapiski komandujushhego frontom. M.: Voenizdat, 1961.
6. Zhukov G.K. Vospominanija i razmyshlenija: v 2 t. M.: OLMA-PRESS, 2002. T. 1.
7. Matveev A.K. Apologija imeni // Vopr. onomastiki. 2004. № 1. S. 7–13.

Militarionymic field of Stalingrad

The article presents the analysis of onomastic units associated with the military events of Stalingrad in 1942-1943. It describes the characteristics of the field structure, identifies the connection between constituents, considers the features of the semantics of central constituents. For naming the units under consideration, the term "militarionym" is proposed, the expediency to use it scientifically is proved in the article.

Key words: *militarionym, phrasonym, onomastic space, onomastic field, militarionymic field, semantics of proper names, onomastic inter-category unity.*

(Статья поступила в редакцию 18.05.2018)